

*Война – ужасная штука! Страшная, кровавая, разрушительная, опустошающая, жестокая... - об этом знают все. Но на войне воюют люди, и она, как рентгеном, высвечивает души каждого из них, выставляя их на всеобщее обозрение и оценку окружающих независимо от национальности и веры.*

*Автор.*

## **Язык.**

*Из сборника рассказов «Посреди войны».*

Немец оказался щупленьким и малорослым. Командир взвода разведчиков лейтенант Шуляк, за непомерную длину рук и огромную физическую силу имевший среди подчинённых прозвище «Карга», сгрёб часового одной рукой, другой, как лопатой, закрыл ему рот и повалил вместе с собой на снег. Подоспевшие разведчики быстро всунули в рот пленному «кляп» и скрутили ему руки за спиной.

«Домой! – коротко скомандовал «Карга». – Антонов, Харин – замыкающие. Колесов!»

«Я!» - приглушённо отозвался из темноты шустрый звонкоголосый Гриша Колесов.

«Языка беречь пуще глаза! Понял?»

«Так точно, товарищ лейтенант!»

«Смотри у меня! - погрозил пальцем командир взвода. – Если что - ты за старшего. Ясно?»

«Так точно, ясно!»

«Вперёд!»

Гриша сорвался с места, за ним лейтенант с пленным, и скоро вся группа исчезла в снежной круговерти.

... «Разрешите?» - на пороге блиндажа появился ординарец.

«Чего тебе?»

«Разведчики вернулись, товарищ майор!» - радостно доложил вошедший.

«А-а-а, давай, давай сюда их!» - оживился сидящий на лежанке коротенький плотный человек и стал обуваться.

Начальник штаба майор Зернов, исполняющий после недавней гибели командира полка его обязанности, четвёртые сутки подряд почти не спал. С тех пор, как части 33-й армии оказались со всех сторон в кольце, они каждую ночь пытались пойти на прорыв, но каждый раз неудачно. Немцы значительно превосходили их в силе, и все попытки вырваться к своим не давали ничего, кроме потерь. И вот после трёх неудачных ночей был получен приказ из штаба армии – организовать поиск. Прощупать оборону немцев по всему периметру кольца окружения и найти в нём слабое место. И обязательно на восток: хоть куда, лишь бы слабое, а уж там прорвёмся. Ведь на своей же мы земле, в конце-то концов!

На улице загремело, застучало, загрохотало по обледенелым ступенькам, и на пороге появилась согнутая, придавленная низким потолком фигура Шуляка.

«Товарищ майор, задание выполнено!» - коротко доложил он и козырнул.

«Все вернулись?» - поинтересовался Зернов.

«Так точно, товарищ майор!» - подтвердил Шуляк.

«Давай сюда фрица!»

Лейтенант повернулся в проём двери и гаркнул в темноту:

«Колесов!»

«Я!» - послышалось с улицы.

«Давай немца!»

За входом завозились, зашумели, послышались частые шаги на ступеньках, и в блиндаже появился Колесов с пленным.

«Давай, фриц, выходи на свет!» - подтолкнул он немца.

«Я не есть фриц! – неожиданно звонко выкрикнул пленный. – Я из Тироль. Австрия».

«Всё равно фриц, раз в Россию пошёл!» - перебил его Колесов.

«Я не пошёл! Я не пошёл! – торопливо зачастил немец. – Я не хотел.., я учил Пушкин, русский поэт...»

«А-а-а, Пушкина вспомнил, гад!» - зло процедил Гришка.

«Я не есть гад! Не есть гад.., - снова затараторил пленный. - Герр офицер, я – есть учитель! Я не хотел.., не хотел война. Я работаль шьколя, я училь.., меня погнать...»

«У-у-у, иуда!» - замахнулся вдруг Колесов, и пленный судорожно задрал вверх руки, закрывая голову от удара.

«Отставить, Колесов! - резко скомандовал Зернов, и Гришка мгновенно вытянулся. – Учитель, говоришь?» - обращаясь к пленному, переспросил командир полка.

«О-о-о, я, я! Герр офицер, я – есть учитель! Я работаль шьколя!» - всё той же заученной скороговоркой повторил пленный.

«Австриец?» - уточнил майор.

«Я, я! – радостно закивал головой «язык». – Я жиль Тироль. Альпы...»

«Имя! Фамилия!» - резко перебил его Зернов.

«Петер Любек!» - чётко назвал себя пленный.

«Смотри-ка, почти как наш «Антошка», - опять не удержался от реплики Колесов.

«Разговорчики!» - снова оборвал его майор.

Все находившиеся в землянке сразу поняли, что Гришка имел в виду Петра Антонова, которого за мягкий добрый характер гораздо чаще звали ласково – «Антошка», чем нормальным именем.

«Откуда знаете русский?» - продолжал задавать вопросы Зернов.

«Я училь, я немного училь.., университет.., - начал пленный, - потом читаль.., Пушкин.., Чехофф.., я училь сам».

Он немного успокоился, выпрямился при этих словах и не без гордости поглядел на своих пленителей.

«Ваше воинское звание, должность и номер части?» - прозвучал вопрос майора.

«Я – есть рядовой.., я слюжить пехота, я только месяц воевать...»

«Стрелял? – неожиданно перебил его Колесов. – По нашим стрелял?» - и свирепо заблестел глазами в ожидании ответа.

Австриец хотел что-то сказать своей обычной скороговоркой, набрал для этого побольше воздуха в грудь и даже открыл рот, но, не издав ни звука, вдруг обмяк и тяжело опустил голову, несколько раз кивнув при этом.

«Остынь, Гриша, - огромная ладонь командира разведчиков легла на плечо солдата. - Не ищи виновников - война во всём виновата».

Во взводе знали, что Гришка Колесов пошёл на фронт добровольцем. Вместе с братом. Того призвали по повестке, а Гришке не хватало несколько дней до нужного возраста, и он упрямился не разлучать его с братом. Всё равно ведь призовут. Месяцем раньше, месяцем позже – какая разница, зато тут вместе со старшим братом. И вот брата убили... Случайным выстрелом в одном из поисков прямо на глазах у Гришки, и он страшно тяжело переживал эту потерю.

Долго ещё майор пытался узнать у пленного интересные командование сведения, но ответы никак не могли его утешить. Выходило, что превосходство немцев на их участке фронта подавляющее, и любая попытка прорыва равносильна самоубийству.

«Увести!» - наконец коротко скомандовал он, и разведчики вместе с австрийцем вышли из блиндажа.

«Ну, и куда мы его теперь, товарищ лейтенант?» - оказавшись на улице, спросил Колесов.

«А чёрт его знает куда!» - озадаченно проговорил Шуляк.

Раньше всё было просто: взял языка, допросил и – наверх, в вышестоящий штаб да поглубже в тыл. А где сейчас тыл, где фронт, - кругом, куда ни кинь, одни немцы. Полк Зернова располагался неподалёку от полурастерзанной боями деревушки, но никакого подходящего для такого случая строения не было и там.

«Давай его в нашу землянку», - неожиданно предложил «Карга».

«Чего-о-о? – протянул изумлённый Колесов. – Фрица к нам в землянку?»

«Ну, а куда ещё? – вопросительно повернулся к нему Шуляк. – Не на улице же оставлять в такой мороз. Живой всё ж таки. Да и...», - лейтенант замолчал, видимо подбирая подходящие слова, затем, понизив голос, чтобы не слышал пленный, добавил, - ... не такой он какой-то.., на человека похож».

Гришка хмыкнул что-то неопределённое в ответ, но смолчал, похоже, соглашаясь.

«Давай до утра к нам, а завтра его, может, в дивизию затребуют или ещё куда выше», - как об окончательно решённом добавил Шуляк.

Жилище разведчиков просторным не назовёшь, но после гибели Гришкиного брата на лежанке стало всё же посвободнее.

«И куда его дальше?» - спросил Колесов у командира, когда они оказались внутри.

«Давай на мой лежак!» - твёрдо скомандовал тот.

«А Вы куда же товарищ лейтенант?» - удивился Колесов.

«А я с вами, - ответил «Карга» и, заметив некоторое сомнение в Гришкиных глазах, добавил, - поместимся. Да и ненадолго, я думаю».

Но их надеждам на скорые перемены оправдаться было не суждено. Пленного никто не спросил ни на утро, ни через день, ни через три. А к концу недели совместного с ним проживания разведчики знали про своего необычного гостя почти всё. Что родом он из простой семьи, что братьев и сестёр у него четверо, что родители его весь век крестьянствовали, и что старшие братья тоже остались на земле, а он заболел мечтой об учительстве. Что мечта эта его сбылась с помощью родителей и всё тех же старших братьев, за что он им очень благодарен. Узнали и то, что, став учителем, Любек поклялся сам себе: никогда никому не делать в жизни зла, а своих учеников учить только добру. И про то, что исполнял он свою клятву с честью, вывели, что учил своих учеников добру и добром, и что они любили его за это и относились со всяческим почтением. Ну, а как было не узнать? Чего ещё делать-то по вечерам в одной землянке? Не сидеть же сиднем да молчком, тем более что пленный по-русски говорит почти что всё. И, самое главное, знает о России много. О её истории, её традициях, вере. И говорит об этом душевно, как и о своей Родине. Как тут не поверить, что человек – учитель?! Как не убедиться, что он хоть и «фриц», а добрая душа?! И разведчики перестали его чураться. Кормили той же немудрёной солдатской едой, которую ели сами, придумали постоянное занятие – топить «буржуйку», чему пленный несказанно обрадовался и дело порученное исполнял образцово. Даже в карты с ним в одной компании резались! И частенько «продували» ему при этом. А однажды произошло событие, которое и вовсе всех потрясло.

Подсел как-то раз пленный к Антонову, когда они остались одни, (видать, тоже решил, что тот самый добрый из всех) и спросил:

«Антоша! А почему Гриша всегда такой сердитый? Ведь он же не злёт, я это.., это чьююствовать...»

«Антошка» усмехнулся ему на это первым делом и сказал:

«Петро я, как и ты. «Антошка» - это моё прозвище».

«О, извиняйт, извиняйт, пожалуйста, «Антоша!» – виновато положил ему руку на плечо австриец. – Я не хотель.., я не хотель тьебя обидеть».

«Да ладно тебе, - опять усмехнулся Петро, - я не обижаюсь. Меня все так зовут, зови и ты».

«А почему Гриша такой?» - опять переспросил Любек.

«Брата у него недавно убило - вот почему», - коротко пояснил Антонов.

«О, тогда я понимаю, почему он со мной так.., - сочувственно проговорил пленный и тут же горячо-горячо зачастил, - но я не виноват, «Антошя», я не виноват. Я.., я.., – он оглянулся по сторонам и почти шёпотом добавил, - я не стреляйт в люди, понимает?»

«Чего-о-о?» - не понял Антонов.

«Я не стреляйт в люди, «Антошя», понимает? Я стреляйт воздух!»

Пленный осекся, будто испугавшись собственного признания, и со страхом огляделся по сторонам. Антонов с изумлением повернулся к нему, и Любек продолжил:

«Я хотель.., я хотель.., как это сказать по-русски.., разговаривайт Грише всё, когда он спросиль.., но я испугался. Ведь я всё-таки стреляйт».

«И ты что же, всё время стрелял в воздух?» - выдохнул изумлённый «Антошка» свой вопрос.

«Всё время!» - подтвердил пленный.

«Так зачем же ты пошёл воевать?!»

«Меня призывайт, мене нельзя было дом.., дезертир, понимает? Дома тогда всех расстреляйт, понимает, «Антошя?»» - пленный горячо выплёскивал свою горькую исповедь, на глазах его навернулись слёзы, и он быстро утёр их рукавом.

«Н-да-а-а! – многозначительно протянул Антонов. – Ситуация!»

Он помолчал какое-то время и вдруг неожиданно предложил:

«А ты переходи к нам. Расскажи всё, как мне, и будешь антифашистом».

«Не-е-е, - сокрушённо покачал головой австриец, - я не могу. Нельзя мне...»

«Но почему?!»

«Опьят стреляйт... - со вздохом проговорил пленный. – А там тоже люди».

«Да какие они люди?! – горячо воскликнул «Антошка». – Они же фашисты!»

«Не-е-е, «Антошя». Это есть неправда, - возразил Любек. – Они такие же, как и вы».

«Ну, ты хватил! – не согласился Антонов. – А кто ж тогда деревни наши жгёт? Стариков с детишками кто убивает? Мы что ли?»

«Это «СС», «Антошя», но их мало, - тихо, но твёрдо ответил пленный. – Больше просто зольдат. А они не жгут – повверь мне. И я не могу...»

Пленный умолк и низко опустил голову.

«Только ты не смеяца, «Антошя», что я такой, - вдруг жалобно попросил он. – Стреляйт можно враг, а разве ты враг? Гришя враг? Лейтнант враг? Ви не зделайт мне плёхо. Ви не рюшит мой дом, не мешайт мой работа - почему мне стреляйт? – быстро и взволнованно говорил Любек. – Я не могу...»

Как пригвоздённый сидел рядом с ним Антонов и ничего не мог возразить или добавить, настолько простыми и понятными были рассуждения этого австрийца, настолько он был прав. Это Антонов и его однополчане кипели справедливой ненавистью к захватчикам за поруганную и растоптанную Родину, а за что таким, как Любек, ненавидеть их, русских? И за что им всем ненавидеть Любека?

«Это не смешно, Петро, - вдруг совершенно неожиданно для себя назвал он австрийца на русский манер. – Это правильно!»

И не в силах больше продолжать этот тяжелейший по душевному напряжению диалог выскочил из землянки. К вечеру об этом разговоре знал весь разведзвод. И никто не смеялся!

...Так прошла неделя.

В начале следующей командующий армией генерал Ефремов передал своим окружённым войскам приказ: готовиться к прорыву! Майор Зернов вызвал Шуляка и поставил задачу: вместе с ротой автоматчиков быть в авангарде.

«А пленного куда же?» - спросил «Карга».

«Куда, куда...», - раздражённо начал Зернов, заметавшись по блиндажу от стенки к стенке. Остановился вдруг и прямо в лицо лейтенанту бросил, будто выстрелил:

«В расход – вот куда!»

Шуляк попятился, как от удара, не находя что ответить.

«Знаю что ты хочешь сказать, - резко добавил майор. – Знаю, что он в землянке с вами жил, но пойми ты: нет другого выхода! На прорыв идём – куда он нам? И в дивизии не нужен, и в обозе, один выход – в расход!» - и рубанул рукою воздух.

Заметив, что Шуляк и после этого ещё стоит, не двигаясь, добавил яростно:

«Выполнять!!!»

Почти весь взвод разведчиков находился в землянке. Шуляк резко шагнул внутрь, и по одному этому шагу да ещё по виду командира все поняли: что-то произошло.

«Антонов! – сухо скомандовал лейтенант. – Пленного на улицу! Остальным сбор на постановку задачи».

«Завтра прорыв, - начал «Карга», когда «Антошка» с пленным вышли из землянки. - Мы с автоматчиками идём в авангарде. Вопросы?»

«А с пленным что?» - поинтересовался дотошный Стёпа Харин.

Шуляк помолчал какое-то время и тихо обречённо проговорил:

«В расход!»

Заметил недоумённые взгляды, услышал несогласный ропот и добавил:

«Приказ командира полка!»

Тягостная тишина повисла в землянке. Никто не шевелился, никто ничего не говорил, даже, казалось, никто не дышал. Все вдруг поняли – сжились! Сжились по-настоящему и крепко, как сживаются вместе совершенно незнакомые люди, объединённые одной бедой, одолевающие одно горе. Все понимали: приказ надо выполнять, но все, как один, не могли согласиться в душе с таким приказом.

«Кто пойдёт? – нарушил общее молчание лейтенант. – Приказывать не могу, только добровольцы».

И снова тягостная тишина, снова неподвижные фигуры разведчиков.

«Харин?» - вопросительно назвал фамилию Шуляк.

Неразговорчивый Степан только отрицательно покачал головой.

«Дудник!.. Егоров!.. Калайчев!..» - по очереди называл фамилии своих подчинённых командир, но в ответ только протестующее молчание.

«Может ты, Гриша? – обратился Шуляк к Колесову. – И за брата душу облегчишь...»

«Что я мясник что ли? – возмутился Колесов. – Не барана ведь в расход-то!»

«Надо «Антошку» спросить», - предложил Стёпа Харин.

«А-а-а.., - безнадёжно махнул рукой «Карга». – Как будто ты «Антошку» не знаешь. Я и с пленным-то его выпроводил потому, что он из нас всех больше с ним сошёлся».

Опять загустела в землянке напряжённая тишина.

«Но что же делать-то, мужики?» – раздался чей-то голос, и в этот момент снаружи послышались шаги, и внутрь ввалился командир автоматчиков в своём неизменном белом полушубке.

«Привет, разведка! – громко поздоровался он. – Чего плануем?»

«Да вот, думаем как завтра прорываться», - начал Шуляк.

«О, и я за тем же подкатил! – весело перебил Шуляка автоматчик. – Как-никак бок о бок пойдём».

«Гут у нас ещё одна загвоздка есть», - встрепенулся вдруг «Карга».

«Что за загвоздка, друг?» - жизнерадостности автоматчика можно было бы позавидовать.

«Да..., пленного приказали в расход пустить, а желающих нет».

«Хо, нашёл о чём грустить, разведка! – хлопнул Шуляка по плечу автоматчик. – Это мы мигом!»

Он подошёл к выходу и крикнул:

«Ярвинен!»

«Я!» - раздалось на улице.

«Ко мне!»

На входе застучало, и в землянке появился огромный рыжеволосый детина никак не меньше Шуляка ростом в таком же белом, как и у своего командира, полушубке. Всё лицо его аж пламенело яркими рыжими веснушками, тяжёлый квадратный подбородок массивной глыбой нависал над белым овечьим воротником, а высокий лоб с рыжими кудрями на нём невозможно было скрыть никакой шапкой! Детина козырнул, оторвав руку от автомата, и вопросительно уставился на своего командира.

«Вот, Саша, надо задавить одного фрицевского клопа, - начал ротный, - а наши братья-славяне в замешательстве. Подсобим?»

«Без натуги! – браво отозвался детина. – Где клоп-то?»

«На улице он...», - немного помедлив, ответил Шуляк и поморщился.

«Так пошли!» - сорвался с места рыжий и первым выскочил из землянки.

Разведчики дружно высыпали следом, и все сразу увидели «Антошку» с пленным.

«Этот что ли?» - кивнул веснушчатый в сторону австрийца.

Шуляк молча кивнул и отвернулся.

«Пошли, фриц!» - потянул детина пленного за рукав и криво ухмыльнулся.

«Куда ты его?» - вступился «Антошка».

«Куда, куда... - передразнил детина, - в штаб – вот куда! Давай, фриц, шевелись, а то темнаем».

Любек испуганными глазами поглядел на Антонова, на отвернувшегося лейтенанта, на понуривших головы разведчиков – и вдруг всё понял! Лицо его побледнело, как снег, голова поникла, но ни единого звука не сорвалось с плотно сомкнутых губ. Он обвёл прощальным взглядом всех разведчиков, с которыми делил и стол, и кров всю минувшую неделю, и первым шагнул на узкую тропинку в снегу, протоптанную в направлении сгоревшей деревни. Прошло несколько минут томительного ожидания, и в тишине серого зимнего дня треснула короткая автоматная очередь. А ещё через несколько мгновений на тропинке появился рыжий детина и коротко бросил:

«Готово! А вы мучались!»

«Где ты его?» - еле выговорил потрясённый «Антошка».

«А там, за овином каким-то, - беззаботно махнул рукой рыжий. – Да вам-то зачем?»

«Пошли, ребята, - вынося из землянки лопату, проговорил Колесов. – Похоронить надо. Если всема – до темноты успеем».

И, никого не дожидаясь, пошёл по тропинке. Минуту спустя, вооружившись инструментом, за ним проследовал весь разведзвод во главе со своим командиром.

... Утро следующего дня выдалось таким же пасмурным и неприветливым.

Пробрасывало снежок, погуливал ветерок. Над притихшими позициями изготовившегося к броске полка нависла напряжённая тишина – все ждали общего сигнала. Но вместо него сонное оцепенение раннего зимнего утра разорвал хлесткий выстрел немецкой снайперской винтовки, и чья-то одинокая фигура в белом, разметав во всю ширь огромные руки, замертво повалилась в рыхлый снег в расположении полка. Шуляк вскинул к глазам бинокль и долго пристально всматривался в снежную пелену.

«Прямо в голову!» - задумчиво вымолвил он, опуская прибор на грудь.

«Кому это там так не повезло?» - нетерпеливо поинтересовался у командира Гриша Колесов.

Лейтенант поглядел ещё несколько мгновений в зимнюю даль и коротко бросил:

«Рыжему!»

*Сергей Кириллов. г. Советск Калининградской области. Июнь 2003-й год.*

